

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, профессора кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета Олега Эрнестовича Душина на диссертацию Екатерины Павловны Аристовой на тему «Представление о душе у Латинских Отцов Церкви IV-V вв. На примере творений Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина», выдвинутую на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности – 09.00.03 – история философии.

Диссертация Е.П. Аристовой «Представление о душе у Латинских Отцов Церкви IV-V вв. На примере творений Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина» является интересным, грамотно выстроенным и оригинальным авторским изысканием. Она включает в себя три главы, которые последовательно эксплицируют основное содержание учений о человеческой душе выдающихся христианских мыслителей Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина. Каждая глава и завершающий раздел диссертации сопровождаются заключениями с четкими выводами и обобщениями относительно проведенного текстологического анализа и общего историко-философского исследования. Работа охватывает довольно обширный список оригинальных сочинений и научных трудов на разных языках, причем все они находят определенное отражение в диссертации.

В рамках первой главы кратко представлены некоторые биографические сведения и обрисован общий контекст жизни и деятельности выдающихся латинских Отцов Церкви. Во второй главе автор диссертации переходит к содержательному изложению представлений о душе Амвросия Медиоланского. В частности, сопоставляя позиции Амвросия и Плотина, автор диссертации обращает внимание на их общий термин «безвидность», кроме того, Е.П. Аристова подчеркивает, что гностическое отрицание телесности было также неприемлемо для обоих мыслителей. При этом, как

указывает диссертантка, для Амвросия тело дурно не само по себе, а только вследствие греха (стр. 112). Далее, Е.П. Аристова отмечает и принципиальные различия в подходах двух выдающихся мыслителей. Так, понимание акта смерти, которое приобрело особое символическое значение в философии Платона и неоплатоников, у Амвросия как христианского богослова интерпретируется в перспективе мистического соединения с Богом. К тому же автор диссертации указывает, что в основании практики познания у Амвросия лежит идея любви к Истине. Его размышления, как и рефлексии Августина, утверждают особый приоритет любви. В работе подчеркивается, что в трактате «Об Исааке, или о душе» Амвросий обращается к образам и экзегезе Песни песней, и в этой связи его интерпретациям присущ вполне конкретный эротизм. В целом, следуя изложению Е.П. Аристовой, складывается достаточно ясное понимание различий практики философского познания и христианской любви как главного принципа душевной жизни человека и всего мироустройства. В данном контексте диссертантка настаивает на том, что нельзя путать опыт христианской богословской мысли с практиками умозрения и интеллектуального созерцания античной философской традиции (стр. 136). Важное значение в диссертации придается и различным мистическо-символическим образам Амвросия Медиоланского, в частности его метафоре колодцев познания.

Диссертантка подчеркивает, что для Амвросия и Августина как христианских богословов особой темой размышлений предстает понимание акта грехопадения. В этой связи преображение человека для них – это не просто практика философского умозрения, чистого теоретического созерцания, которое совершается по нашей воле, как у Плотина, а являет собой непостижимое действие благодати, обусловленное религиозной верой. Причем для Августина и полноценная деятельность нашего ума невозможна без влияния Божественной благодати, в данной связи «познание, как отмечается в диссертации (стр. 83), сливается с христианским

преображением, переходом от падшего и слабого состояния к сильному, угодному Богу и совершенному». Тем самым, процесс интеллектуального созерцания в духе Плотина трансформируется в практику «чудесного уникального восстановления человека перед богом после катастрофы падения Адама» (там же).

Соответственно, в третьей главе, освещая позицию Августина, Е.П. Аристова на стр. 176 обращает внимание на примечательную особенность, что «Ego cogitans Августина ... не просто мыслящее, оно желающее», при этом она ссылается на французского исследователя Лагуанера. Диссертантка также отмечает, что для Августина в процедуре познания, как и в рамках всей психологии человека, особую роль играет воля, которая привносит во все наши действия этическую составляющую и устремленность к любви. В целом, интерпретации, представленные в диссертации Е.П. Аристовой, выглядят достаточно привлекательно и вполне обоснованно, работа может быть интересна широкому кругу специалистов, занимающихся проблемами психологии и понимания душевной жизни человека.

При всех положительных моментах диссертационного исследования Е.П. Аристовой, ему присущи и некоторые недостатки. В качестве замечаний, прежде всего, следует отметить, что актуальность темы исследования и другие формальные позиции, представленные во введении к диссертации, не в полной мере совпадают с авторефератом, что, как правило, делается в виде кальки. При этом стиль изложения от первого лица выглядит достаточно странно для научного исследования такого рода. Далее, важно отметить, что при экспликации соответствующих учений Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина о душе методологический ход разбивки материала по основополагающим понятиям выглядит вполне уместно и предстает как своеобразная авторская находка, описание терминологии сделано достаточно интересно и профессионально, но, в конечном счете, это приводит к некоторой несвязности изложения, причем автор работы подчас больше погружается в гносеологическую проблематику, чем в

психологическую (определения структуры души, понимания существа душевной жизни), при этом в одном ряду оказываются способности и состояния или свойства души. Кроме того, при цитировании работ Амвросия и Августина, причем и те, и другие переведены, труды первого приводятся в латинской версии, а второго по-русски, что не соответствует принципу единообразия, которому необходимо следовать в рамках любого научного текста. В целом, традиционная проблема наших кандидатских исследований заключается в том, что диссертанты не очень настроены на то, чтобы представлять необходимые обзоры научной литературы, чего в определенной мере не избежала и Е.П. Аристова. Так, в главе, посвященной Аврелию Августину, она на стр. 182 делает несколько ссылок на работу французского ученого Лагуанера, но при этом практически не обращается к известным и признанным исследованиям отечественных ученых (Трубецкого, Попова, Столярова и др.). Необходимо признать, что рассуждения автора диссертации о философии языка у Августина выглядят некоторой натяжкой под современные стандарты философской рефлексии. В данном случае, следовало бы лучше сказать о «внутренней речи» или «внутреннем языке», той тематике которая приобрела весомое значение в рамках последующей схоластики, впрочем, по сути, это и представлено в соответствующем разделе диссертации.

Обращаясь к более конкретным замечаниям, следует указать, что рассуждения автора диссертации на стр. 32 об Отцах Церкви, с одной стороны, не соответствуют канонической позиции, так как подменяются статусом епископа, что не верно, с другой стороны, представляются излишними с точки зрения научной составляющей, ибо такого рода информация явно не требует разъяснений в рамках специального исследования, скорее она уместна в общих курсах по истории христианской мысли или средневековой традиции европейского философствования. Затем на стр. 38 в одном абзаце почему-то оказались совмещены «влюбленность» Августина к сочинению Цицерона «Гортензий» и «христианский

неоплатонизм» будущего Отца Церкви. Также высказывание на стр. 47, что «отказ противопоставить философа и теолога даст читателю более целостное понимание сочинений Августина» вызывает естественные возражения, так как его занятия философией и путь христианина, как известно, явились для мыслителя принципиально разными стратегиями жизни и задавались иными практиками существования, путь христианина, на который он вступил достаточно поздно, проделав серьезный опыт философских исканий, привел его к принципиально другим стандартам поведения, увенчавшимся принятием священства, на что далее обращает внимание и сама диссертантка. В этом смысле для Августина, как и для Амвросия путь христианина уже не имел никакого отношения к досугу свободного античного мудреца, а стал делом церковного служения и заботы о пастве. На стр. 54 Е.П. Аристова, по всей видимости, по ошибке использует термин «ригоричный» вместо «ригористичный», который больше подходит по смыслу изложения.

Далее, относительно изложения позиции Аврелия Августина необходимо отметить, что на стр. 144 при пересказе августиновского понимания материи не приведена его известная формула, что материя есть «почти ничто». Также, к сожалению, при экспликации его концепции души автор диссертации не соотнеслась с его интерпретацией времени, которое, следуя учению Отца Церкви, несомненно, составляет одну из важнейших диспозиций душевной жизни человека. К тому же Е.П. Аристова не затронула тематику сомнения как стратегии обоснования несомненности мысли и личности человека, реализованную Августином в трактате «Против Академиков» в рамках его спора с философской школой скептицизма. На стр. 219 говорится о «диалоге с Богом», трудно согласиться с такого рода интерпретацией, если речь идет о патристической и в целом о средневековой мысли. Человек взывает к Богу и либо получает ответ, либо нет, но речь при этом не идет о диалоге в его классическом античном философском понимании. На стр. 122 высказывание относительно «разрыва между ... Творцом и тварью» также вызывает некоторое недоумение.

